

ПАТРИОТИЗМ ВЕЛИКОДУШИЯ

Педагогика сегодня озабочена собственной технологичностью, её больше волнует форма, нежели содержание. Но форма — это то, что со-держит, поэтому вне осмысления содержания поиск эффективных форм воспитания бессмыслен по сути.

Дмитрий Григорьев,
старший научный
сотрудник Института
теории и истории
педагогики,
заместитель
директора по
научно-
исследовательской
работе школы-
лаборатории
№ 825 г. Москвы,
кандидат
педагогических
наук

Это особенно хорошо заметно на примере патриотического воспитания. Здесь отсутствует внятный ответ на вопрос: о чём мы говорим и что делаем, когда объявляем, что воспитываем у наших детей любовь к Родине? Это приводит, во-первых, к тому, что вытесняются иные смыслы патриотизма, кроме военного, во-вторых, у школьников на фоне «торжественных заседаний», «шествий», «праздничных концертов», «вахт», «военно-спортивных мероприятий» формируется либо парадно-показное, подданническое, далёкое от рефлексивности и гражданственности, либо равнодушно-циничное отношение к собственной стране.

Многие известные педагоги пытались научно определить содержание патриотического воспитания. Я хочу остановиться подробно на одной из таких попыток, умышленно не называя автора этого подхода, поскольку не считаю возможным завязать дискуссию, в которой вторая сторона не имеет возможности высказываться. Дело также и в том, что я вступаю в полемику не только с автором, но и с тенденцией, с обобщённым взглядом. Согласно этому подходу, невозможно определить содержание патриотического воспитания вне выявления его реальной, диагностируемой цели. Поскольку привычное «формирование любви к Родине» признать таковой сложно, наш автор предлагает рассматривать в качестве цели формирование *патриотического сознания*.

В психологии принято выделять в сознании три компонента: знаниевый, отношенческий и деятельный. С этой точки зрения патриотическое сознание включает:

знание человеком фактов культуры, истории, которые он воспринимает как события своей истории, культуры (на языке «внутреннего голоса» это звучит так: «Я знаю, что это наше, моё!»);

положительное отношение к «нашим» фактам истории и культуры («Я горжусь, одобряю такие-то события, факты нашей культуры, истории»);

готовность участвовать в развитии культуры, жизни в нашей стране (позиция — «Я готов, настроен действовать на благо своей страны»).

Второй — отношенческий — компонент, — главный, системообразующий. Это и есть то, что принято называть чувством патриотизма. Из чего состоит это чувство? Наш автор указывает такие составляющие: глубинное принятие страны, принадлежность к позитивному в стране (причастности своими делами, историей своих близких, школы).

Но что считать позитивным?

На первый взгляд, отмечает исследователь, всё просто: позитивное в истории, в стране — то, что развивает культуру, цивилизацию. И список этот богат и разнообразен: философия и религия, наука и искусство, техника и производство, социальная организация и образование, спорт и военное дело.

Однако простота здесь кажущаяся. Стоит ли гордиться изобретением танков, уютжащих плоскогорья Афганистана? Или дорогой «Якутск — Магадан» ценой жизни тысяч и тысяч заключённых? Формула «развитие культуры и цивилизации», оказывается, может породить и монстра античеловеческого патриотизма.

Более того, подчёркивает автор, различить, где в культуре свет, а где тьма, порой весьма непросто. Гордиться ли деятельностью С.П. Королёва — ведь он создатель не только ракеты Ю. Гагарина, но и военных ракет, которые могли уничтожить целую страну? Гордиться ли А.Д. Сахаровым — ведь это не только нравственный образец, но и разработчик термоядерных сверхбомб, взрывы которых могли уничтожить земную цивилизацию? Что наша армия несла в 1945 году в Европу? Освобождение от фашизма? Да. Но и насаждение своего, не нужного этим странам политического режима...

В чём же общее мерило, общий критерий позитивного в истории и культуре страны? Вводится следующий «императив позитивности»: чувство патриотизма — это чувство причастности к тому в культуре и цивилизации своей страны, гордость за то, что несёт возможность жить и развиваться любому человеку в этой стране и не мешает жить людям иных стран. Достижения, убивающие, деформирующие, разрушающие физически, психически «своего» и «чужого», — не предмет патриотизма.

Предложенную максимум автор подкрепляет примерами.

К непатриотичным историческим событиям и явлениям он относит Октябрьскую революцию, баллистические ракеты Королёва, флот Петра I, песню «Интернационал».

Несомненно патриотичны, по его мнению, феномены А.С. Пушкина, Д.Д. Шостаковича, М.В. Ломоносова, Ю.А. Гагарина.

Двойственными, противоречивыми оказываются А.Д. Сахаров, С.П. Королёв, 1945 год.

В педагогической деятельности в воспитании патриотизма наш автор выделяет два уровня: работу с несомненными культурными ценностями и специальную работу с двойственными культурными феноменами. И та и другая должны строиться как проблемные, требующие от школьников умения анализи-

ровать сложные явления, определить и защитить свои позиции, а также умения конструктивно взаимодействовать с иными позициями.

По отношению к двойственным феноменам воспитателю следует открывать ребятам и вместе с ними анализировать их неоднозначность, показывать, при каких условиях те или иные достижения вписываются в развитие культуры, а когда оказываются противокультурными.

Остановлю на этом изложение взглядов моего оппонента, потому что время и место вступить в диалог.

Патриотизм как *гордость за позитивное*, на первый взгляд, выглядит вполне приемлемо. Но только на первый взгляд.

Есть в исторической науке весьма убедительная точка зрения: понятие патриота, патриотизма возникло в среде мигрантов — переселенцев в древнюю Элладу из других стран. Им, чужакам, и их детям предстояло жить среди греков и они хотели, стремились полюбить новую родину. Решая эту задачу, они и отразили своё чувство в понятии патриота.

Это событие имеет последствия. Во-первых, становится понятным исток того, почему общество особенно взволновано патриотизмом в те периоды, когда чувствует своё отчуждение, разрыв с культурой и историей страны (другими словами, чувствует себя метеками) и хочет этот разрыв преодолеть. Во-вторых, метеки, чтобы полюбить Грецию, собирались что-то сделать с собой, но отнюдь не с Грецией. Не делить историю и культуру Греции в зависимости от своих предпочтений, а самим принять Элладу как целое.

Гораздо позже, в начале XX века, эту ситуацию воспроизвёл английский писатель и католический мыслитель Г.К. Честертон. Он написал о патриотизме: «Это одно из самых благородных чувств, когда патриот говорит: «Достоин ли я Англии?» Но стоит ему высокомерно сказать: «Я — англичанин!», и патриотизм обратится в гнуснейшее фарисейство»¹. Обратите

1

Честертон Г.К.
Вечный Человек: Пер.
с англ. М.: Политиздат,
1991. С. 485.

внимание: «я» патриота стоит не под восклицанием, а под вопросом, это «я» усомневается самоё себя, чтобы обрести право и возможность соизмерять себя с целым. В вышеизложенной позиции именно «я» решает, что несомненно, а что двойственно в истории и культуре страны.

Я уверен, что сущность патриотизма не в гордости, а в ином, гораздо более редком сегодня проявлении человеческого духа — **великодушии**. Великодушие в том смысле, в котором М.К.Мамардашвили говорил о Декарте: «... великодушие Декарта — это способность *великой души* (курсив М.М.) *вместить весь мир, как он есть* (курсив мой. — Д.Г.), и быть недовольным в этом мире только самим собой. ... Великая душа вмещает соседство — не убедит меня — с глупым, невежественным, преступным. Да и не там предмет её борьбы. Предмет борьбы во мне самом. И более того, великодушие предполагает, что мир таков, что в любой данный момент в нём может что-то случиться только с моим участием»². И ещё: «Великодушие — это свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит»³. Замечу: в великодушии нет бессилия, которое так или иначе сопутствует всепрощению, это сила участвующего принятия мира.

Что меняется в патриотическом сознании человека в зависимости от того, основано ли оно на гордости или великодушии? Многое. Во-первых, смещается акцент: гордость — могу ли я гордиться своей страной, сознавая моменты её величия и ничтожества? Великодушие — могу ли я любить свою страну в моменты не только её взлётов, но и падений? Во-вторых, патриотизм гордости избирателен, он делит историю и культуру страны на достойное и недостойное его. Патриотизм великодушия ничего не делит, он *всепричастен*, радуется, гордится светлым и страдает, мучается тёмным.

Это А.С. Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву: «... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как

литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблён, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Это А.С. Хомяков в стихотворении 1844 года:

Не говорите: «То бывшее,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! Этот грех — он вечно с нами,
Он в вас, он в жилах и крови.
Он сросся с нашими сердцами —
Сердцами мёртвыми к любви.

Это наш современник, литовский поэт Томас Венцлова в своём знаменитом эссе «Евреи и литовцы»: «Если считать народ огромной личностью, — а непосредственное ощущение говорит, что эта персоналистская точка зрения единственно ценна и справедлива в мире моральном, — то к этой личности причастны все в народе — и праведники, и преступники. Каждый совершённый грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нём. Сваливать вину на другие народы нельзя. В своём они разберутся сами. В нашем разбираться и раскаиваться нам. Это, собственно, и есть смысл причастности к той или иной нации»⁴.

Выше было приведено определение патриотического чувства. Я позволю себе его переформулировать: **чувство патриотизма — это чувство причастности ко всему в культуре и цивилизации своей страны, радость за то, что несёт возможность жить и развиваться любому человеку своей страны и не мешает жить людям иных стран, и сожаление, боль, стремление преодолеть то, что, так или иначе, мешало и мешает своим и чужим**. Формирование именно такого, основанного на великодушии, чувства любви к Родине — вот, на мой взгляд, главная задача патриотического воспитания сегодня.

2

Мамардашвили М.К.
Картезианские размышления. М.:
Издательская группа
«Прогресс»,
«Культура», 1993. С.16

3

Там же. С. 15.

4

Цит. по: Ямбург Е.А.
Школа на пути к
свободе: Культурно-
историческая педагогика.
М.: ПЕР СЭ, 2000.
С. 183.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ?

Можно ли воспитать, развить в человеке патриотические чувства? И нужно ли? В последние годы эти вопросы не воспринимаются как риторические; они стали предметом самых горячих дискуссий. Несколько десятилетий в школьной практике использовался термин «военно-патриотическое воспитание». Потом он канул вместе с системой коммунистического воспитания. Переломным стал, пожалуй, 1995 год, год пятидесятилетия Победы, когда в Москве был торжественно открыт комплекс на Поклонной горе и после тяжёлых споров величайший подвиг народа снова был водружён на пьедестал. Прошло ещё пять лет — и мы вновь во весь голос заговорили о школьном патриотическом воспитании. Потребовалось очередное пятилетие «на раздумья» — и теперь, в канун 60-летия Победы, пришла пора опять вспомнить о патриотическом воспитании.

К сожалению, само понятие «патриотизм» (как и «демократия») после событий 1989–1993 годов стало разменной монетой в политической борьбе, отчего и впитало в себя «ароматы» популизма, демагогических спекуляций, уличного радикализма... Распря «демократов» и «патриотов» сопровождала распад государства, деградацию нашей образовательной системы. Говоря о патриотизме, нам необходимо отрешиться от таких ассоциаций. Чьё-либо личное банкротство не может скомпрометировать высокое чувство, которое стоит у истоков любой культуры с догмеровских времён. В концепции патриотического воспитания граждан РФ, предложенной Федеральным агентством по образованию, сказано: «Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности её к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление — цементирующая основа существования и развития любых наций и государственности.

В патриотизме гармонично сочетаются лучшие национальные традиции народа с преданностью к служению Отечеству. Патриотизм неразрывно связан с интернационализмом, чужд национализму, сепаратизму и космополитизму.

Патриотизм — это особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, её национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, пред-

Не могу согласиться с постановкой вопроса о непатриотичном, двойственном и, несомненно, патриотичном в нашей истории и культуре. На мой взгляд, двойственность — это не о А.Д. Сахарове, не о С.П. Королёве. О них — *трагедия целостности*. Именно эта трагедия всегда, начиная с античности, была сущностью героя. Ахиллес знал, что ему суждено погибнуть, но не пытался ни избежать смерти, ни предотвратить её, ни договориться с богами и троянцами, а продолжал выполнять свой долг воина. Только в наше время появился иной смысл героизма, когда, по словам М.К. Мамардашвили, «мы требуем от других совершения того, на что сами, как правило, не способны. Уже сам факт подобного требования невеликодушен, а героем может быть только великодушный».

Говоря о двойственности А.Д. Сахарова или С.П. Королёва, мы невеликодушно, задним числом требуем от них не участвовать во зле. Но ведь проблема не в том, чтобы избежать зла (избегающий зла уходит с поля битвы его с добром и, в конце концов, «тонет в фарисействе»), а в том, чтобы его *преодолеть*. И нашим героям это удалось, потому-то мы по ним и сверяемся. Их жизнь свидетельствует: целостность обретается не ценой выбора (и значит, снятия) одной из сторон, а мукой удержания их вместе. Вот это хорошо бы понять и почувствовать нашим воспитанникам. А делая акцент на двойственности, мы порождаем в сознании ребят миф, что можно всегда выбирать что-то одно (например, избегать зла) и обретёшь целостность. Нет.

В рассуждениях моего оппонента звучит вопрос: гордиться ли чем-то, зная, что оно двойственно? Предполагается, что этот выбор ставит перед школьниками и педагог. Но действительно ли ребята знают, что выбирают, осознают ли они достаточно полно, что стоит за каждой стороной двойственности? Чувствуют ли они тот надрыв, который сопровождает не умоглядные, а жизненные альтернативы? Как правило, нет. Но чтобы выбирать по-настоящему, а не с решительностью варвара пробрасываясь альтернативами, надо сострадать, сопереживать, мучиться выбором. Учитель, идя на дискуссию, должен об этом много думать, сосредоточиваться на том, как информатизировать и проблематизировать выбор школьников.

Есть самоопределение как определение себя, границ своего Я по отношению к тому целому, частью которого ты являешься. И есть самоопределение как замыкание в себе и на себя, как отказ от своей частности по отношению к целому и утверждение своей единственности. Педагог, строящий диалог вокруг двойственности, а не в контексте трагизма целостности, рискует утвердить своих подопечных в мысли, что каждый из них в отдельности и есть мера всех вещей. Но для современного постхристианского человека, оценивающего, а не чтящего, имеющего вместо святых ценностей, этот путь может стать путём от гордости к гордыне. Именно об этом предупреждал упоминавшийся мною Г.К. Честертон: «Гордый приме-

ряет всё на свете к себе, а не к истине. Вы не горды, если вы хотите что-то хорошо сделать или даже хорошо выглядеть с общепринятой точки зрения. Гордый считает плохим всё, что ему не по вкусу. В наше время развелось немало и конкретных, и абстрактных мерок; но молодые люди (и даже молодые женщины) всё чаще и чаще считают меркой себя, просто потому что не нашлось мало-мальски достойного веры эталона. Однако «я сам» — очень мелкая мера и в высшей степени случайная. Так возникает типичная для нашего времени мелочность, особенно свойственная тем, кто кичится широтой взглядов. Скептик думает, что он широк для прежних, казалось бы, крупных мерок, и, в конце концов, сковывает себя тиранией микроскопических эталонов»⁵.

Не завидую решимости считать «вычеркнутыми, непатриотичными... целые пласты истории, техники, производства и героических деяний (Октябрьская революция, баллистические ракеты Королёва, флот Петра I, песня «Интернационал»)». Решимость отрицания, свойственная патриотизму гордости, всё-таки заметно слабее решимости стояния перед лицом мира, присущей патриотизму великодушия. А какое в примерах, приведённых автором «Реалистического воспитания», поле для диалога и самоопределения! Для меня в Октябрьской революции есть не только русский бунт, заклеимённый Пушкиным, но и сознательный порыв тысяч светлых людей к более справедливому и свободному обществу. Среди крестьян — строителей российского флота я вижу лица не только несчастных жертв, но и мучеников за священное дело обороны земли своей от врагов, подвижников государственного строительства. А за «Интернационалом» — как безликие массы сталинских партийных съездов, так и деда, которого живым не видел, но который вступил в коммунистическую партию в окопах Сталинграда и, значит, пел эту песню в самые суровые часы своей жизни. И как человек, и как учитель буду снова и снова возвращаться к этому...

Если патриотизм ни от чего в истории и культуре своей страны не отстраняется и не видит двойственности там, где есть трагедия целостности, то разговор о «несомненно патриотичном» оказывается излишне претенциозным. Когда вместе стоят А.С. Пушкин и А.Д. Сахаров, Д.Д. Шостакович и С.П. Королёв, то решать, кто в каком ряду, — занятие неблагодарное и ненужное.

Впрочем, если кто-то без несомненного обойтись не может, пусть выделяет, главное, чтобы несомненное не стало окаменевшим. В год празднования 200-летия нашего национального гения один из старшеклассников, раздосадованный, очевидно, официозом, пропагандистскими штампами и учительским морализаторством вокруг этого события, с вызовом спросил меня: «Вы, правда, считаете, что Пушкин — наше всё?!» Я ответил, что действительно так считаю, потому что принадлежат эти

⁵ Честертон Г.К. Указ. соч. С. 485.

полагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоёв общества».

Правильные, взвешенные слова. Без радикализма и спекуляций. Как хотелось бы, чтобы они стали эффективным, живым подспорьем и для педагогов, и для родителей. Но практика в этом случае обманчивее и своевольнее теории.

О патриотизме снова спорят, взвешивая все «за» и «против». В разных кругах стало престижным быть патриотом и антипатриотом... В русской традиции с давних пор истинный патриотизм отличали от ложного. И сегодня актуальны слова П.А. Вяземского, опубликованные ещё в 1827 году: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё. Тюрго называл это лакейским патриотизмом, *du patriotisme d'antichambre*. У нас можно бы его назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к Отечеству должна быть слепа в пожертвовании ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна». Подобные борения происходили в творчестве Чаадаева и Герцена, Лермонтова и Тютчева, Достоевского и Горького... Но целую эпоху в развитии отечественного отношения к патриотизму составило творческое наследие Л.Н. Толстого. В «Севастопольских рассказах» и романе «Война и мир» писатель дал нам образцы патриотической героики. В позднейших трактатах и эссе Лев Николаевич выступил с проповедями общечеловеческих ценностей, радикально противостоящих патриотизму, государственничеству. Патриотическая идеология стояла на богоискательском пути писателя, мешала, отвлекала от более насущных для него духовных тем. Но Андрей Болконский и капитан Тушин спорят со своим создателем — и с этим уже ничего нельзя поделаться...

В книге Толстого «Пути жизни» есть глава «Суеверие государства», в которой, пожалуй, раскрывается идеологическая подоплёка толстовского спора с патриотизмом. Великий максималист, Толстой видит в патриотизме этическую проблему, грех личного и коллективного тщеславия, грех эгоизма. Современным публицистам не стоит спекулировать на точке зрения Толстого: вряд ли кто-либо из них осилит атлантову ношу толстовской нравственности. Ведь вместе с патриотизмом придётся отказаться

ся и от частной собственности, и от плотских утех. То уравнение, которое предлагают современные антипатриоты (частная собственность плюс сексуальная революция минус патриотизм) по сути своей куда сильнее противоречит концепции Л.Н. Толстого, чем доктрины Победоносцева или И.В. Сталина... Толстой пишет: «Лжеучение государства состоит в признании себя соединённым с одними людьми одного народа, одного государства и отделённым от остальных людей других народов, других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения. Освобождается же от него человек только тогда, когда признаёт в себе духовное начало жизни, одно и то же во всех людях. Признавая это начало, человек уже не может не верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом». Чтобы принять эту максиму Толстого, необходим некий гражданский аналог монашеского пострига, не иначе.

Критики патриотизма, неистовые ниспровергатели нередко вспоминают афоризм Сэмюэля Джонсона (1709–1784): «Патриотизм — это последнее прибежище негодяя». Они не утруждают себя анализом идеи английского мыслителя. Patriotism is the last refuge of a scoundrel — таков оригинал фразы Джонсона. Пожалуй, более точный русский перевод должен звучать: «Патриотизм — последнее оправдание негодяя». За высокую идею, как за соломинку, хватается разоблачённый преступник, оправдывая свои деяния. Разве от этого блекнет идея? Не исключено, что Джонсон имел в виду и то, что нужно давать негодяю шанс исправиться. И началом такого пути может быть и патриотизм, и любовь к матери, и вера в Бога — всё чистое, незамутнённое духом наживы. И уж никак нельзя считать этот афоризм разоблачением патриотизма. С. Джонсон, в отличие от Л.Н. Толстого, не входит в когорту великих космополитов.

Трудно переоценить значение патриотической героики не только в воспитании человека, но и в воспитании народа, в становлении и развитии культуры. Не перегнуть бы палку — в потоке казённости, на все лады перепевая патриотические лозунги, можно омертвить высокую идею. Но образ Великой Отечественной настолько высок и правдив, что он, как путеводная звезда, даст нам верное направление. И не случайно предыдущий специальный выпуск «Народного образования» был посвящён А.С. Пушкину. Пушкин и Победа — это именно те ориентиры, которые помогают нам быть искренними, а не конъюнктурными патриотами Отечества.

Арсений Замостьянов

слова моему великому однофамильцу поэту Аполлону Григорьеву (тут юноша улыбнулся) и потому что для меня, как и для многих других, Пушкин — больше чем великий поэт, он — вечный повод самоопределения русского человека, русского интеллигента. Сколько из него ни пытались сделать революционера, демократа, либерала или, напротив, охранителя, государственника, почвенника, феномен Пушкина всякий раз оказывался и вне какой-либо однозначности, и вне двойственности. Современное пушкиноведение (Л.М. Аринштейн, В.С. Непомнящий, И.Ю. Юрьева) отмечает удивительную способность поэта удерживать вместе вещи на первый взгляд трудно совместимые — свободу и империю, государственную целесообразность и общественный интерес, серьёзность мысли и лёгкость слова. Пушкин явился, может быть, первым и последним русским «свободным консерватором» (П.А. Вяземский), который счастливо объединял в себе Сциллу и Харибду нашей истории. А после него не смогли, после него попадали в плен свободы выбора. После него более упражнялись в разъятии, чем в объединении. И сегодня эта задача — соединить свободу и порядок, построить гражданское общество в согласии с государством и национальными традициями — остаётся нерешённой. И сегодня Пушкин — и пример, и укор.

В заключение отмечу: полностью согласен со своим названным оппонентом в том, что в патриотическом воспитании должно быть больше обсуждений, споров, диспутов, дискуссий. Все предшествовавшие рассуждения имели целью показать, что диалоговые формы по-настоящему действенны тогда, когда содержательно ориентированы не на воспитание гордости за позитивное, а на воспитание великодушия ко всему, что совершалось и совершается во времени нашей истории и пространстве её культуры.

Это особенно важно в преддверии юбилея Победы. Чтобы, организовав дискуссию «Цена и уроки Великой Победы», не превратить её в бухгалтерский семинар и обличение, например, Г.К. Жукова, жертвовавшего батальонами во имя спасения дивизий. Чтобы в обсуждении многосерийного фильма «Штрафбат», честно затрагивающего многие непростые проблемы Великой Отечественной войны, не сформировать у школьников представления о том, что на фронте воевали только обречённые на смерть штрафники, подгоняемые заградительными отрядами. Чтобы знали, что сотрудники НКВД не только были членами этих отрядов, но и организовывали партизанское сопротивление, выявляли немецких шпионов и диверсантов в армейских тылах. Чтобы, наконец, дать ребятам почувствовать, что Победа — это «радость со слезами на глазах».

Допускаю, что после прочтения этой статьи кто-то из читателей придёт к выводу: между моей и противоположной позициями нет существенной разницы, не совпадают только оттенки. Что ж, возможно. Правда, бывает, что оттенки всего важнее. **НО**